

Дожив до семи лет, она практически не чувствовала тепла семейного уюта. Хотя Янь Юхэн всегда шутила, что воспитывает гусёнка, она не могла заботиться о Гао Тин так же, как бабушка Янь, и была далека от её внимательности и чуткости.

Бабушка Янь сидела рядом с ней, взяла платок и вытерла её слёзы.

Пожилые люди не выносят, когда кто-то плачет, особенно такой послушный ребёнок, как Гао Тин. Это почти мгновенно заставило бабушку Янь тоже расплакаться.

— Ешь медленно, не подавись, — ласково напомнила бабушка Янь Гао Тин и погладила её по голове, едва сдерживая переполнявшее её чувство любви.

Из-за внучки она уже испытывала особую привязанность к Гао Тин, а после произошедшего бабушка Янь и вовсе хотела забрать девочку к себе домой, чтобы воспитывать её самой.

Такой жалкий и послушный ребёнок больше всего трогает сердца стариков. Янь Юхэн, сидевшая рядом, смотрела на это со смешанным чувством грусти и веселья.

Ведь это её украли, а не Гао Тин!

...

В семье Янь среди ночи вызвали домашнего врача. Женщина-врач до приезда думала, что с кем-то из пожилых случилось несчастье, но когда прибыла на место, увидела, что старушка из семьи Янь стоит у двери, вытянув шею и вглядываясь в даль.

— Ой, доктор, вы, наконец, пришли! — Бабушка Янь, увидев врача, поспешно подошла и схватила её за руку, затаскивая в дом.

— Эй, бабушка, не торопитесь, — женщина-врач поспешно согласилась, с облегчением думая, что, к счастью, это не внезапная болезнь пожилого человека.

Войдя в дом, она обнаружила, что на диване сидят двое детей одного роста и играют в пазл.

Врач удивилась: почему эти дети в такой поздний час ещё не спят?

Янь Чжию тоже подошёл к ней.

— Прошу прощения, что побеспокоил, доктор Лю. Пожалуйста, сначала осмотрите моих детей.

Только тогда женщина-врач внимательно разглядела двоих детей за спинкой дивана. У девочки на открытых участках рук и ног были сплошные синяки, словно она долго каталась и ушибалась.

Сидевший рядом «мальчик» выглядел ещё страшнее: ноги, лежавшие на низком столике, были покрыты слоем запёкшейся крови, и невозможно было понять, где именно рана.

Доктор Лю поспешно подошла ближе. Оба ребёнка вежливо с ней поздоровались, совершенно не похожие на тех, кто получил травмы.

По сравнению с теми детьми, которых ей обычно приходилось видеть — плачущими и кричащими после ранений, — эти двое были невероятно послушны.

Сначала она осмотрела Гао Тин. Хотя кровь на её ногах выглядела устрашающе, это были всего

лишь внешние повреждения. Ступни были порезаны чем-то острым, но кровь уже остановилась сама.

Она просто обработала раны, наложила повязку и сделала укол от столбняка, наказав:

— Пока раны не заживут, не мочите их, чтобы избежать инфекции.

Бабушка Янь поспешно закивала. Она уже полностью воспринимала Гао Тин как своего внука, а слова врача для неё были законом.

Ноги Гао Тин были замотаны, как два больших пирожка, и Янь Юхэн не удержалась от смеха.

— Теперь тебе не удастся погонять мяч, — пошутила Янь Юхэн.

Гао Тин бросила на неё взгляд, но ничего не ответила, просто пододвинула ногу к Янь Юхэн.

— Больно, подуй, — с серьёзным лицом потребовала Гао Тин.

Янь Юхэн усмехнулась: как можно дуть на ногу, которая так замотана?

Но Гао Тин не обращала на это внимания, снова пододвинула ногу и настаивала на своём.

— Ладно, ладно, подую! — Янь Юхэн сдалась, наклонилась и начала мягко дуть.

Доктор Лю, обрабатывая раны Янь Юхэн, наблюдала за взаимодействием детей и не смогла скрыть улыбку. Несмотря на то, что обе выглядели несчастными, они всё ещё могли смеяться, что вызывало одновременно жалость и гордость.

Молодая женщина-врач, чувствуя умиление, закончила обработку, оставила лекарства на несколько дней и попрощалась.

— Гао Тин останется у нас ночевать, не нужно спешить домой, — с любовью погладив голову Гао Тин, бабушка Янь сказала. — Сегодня переночуешь с Ахэн.

Янь Юхэн удивилась, а глаза Гао Тин загорелись, и она сладко ответила:

— Спасибо, бабушка!

...

Бабушка Янь уложила обеих детей в постель, накрыла одеялами, выключила свет и вышла из комнаты. В гостиной всё ещё горел свет, и Янь Чжии один сидел на диване, курил.

— Чжии, иди спать! — хотя бабушка Янь и злилась на Силину за то, что та украдала ребёнка, и на своего сына за нерешительность, но видя его в таком состоянии, она всё же не могла остаться равнодушной.

Янь Чжии поднял голову, под глазами залегли тёмные круги.

— Мама, иди спать, я хочу побыть один.

Бабушка Янь не послушалась, спустилась вниз и села рядом с сыном.

Пожилая женщина положила руку на колено сына, утешая:

— Кто не ошибается? Силина — эта женщина... дай ей немного денег, и на этом всё закончится, а с ней больше не общайся.

Янь Чжию, держа сигарету в одной руке и опираясь лбом на другую, выглядел очень обеспокоенным.

— Я ошибался. Я всё думал, что Силина, в конце концов, мать Ахэн.

— И всегда чувствовал вину за то, что не дал Ахэн полной семьи. Когда Силина явилась, я подумал, что Ахэн можно позвать погостить к маме на пару дней.

— А она натворила такое! Это же её родная дочь! — Янь Чжию взъерошил волосы, становясь всё более раздражённым.

С Силиной они познакомились на коктейльной вечеринке. Он влюбился в сияющую Силину с первого взгляда и был твёрдо намерен жениться на ней.

В то время Янь Чжию был ещё зелёным юнцом, не знавшим жизни, и, пользуясь деньгами семьи, вольготно чувствовал себя в Имперской столице. Впервые встретив такую красивую женщину, которую не интересовали деньги, он попался на крючок и уже не мог выбраться.

Позже, узнав её лучше, он понял, что Силина просто закидывала удочку.

Янь Чжию сам попался на эту удочку, так что не стоит винить её за то, что она его обманула.

Бабушка Янь не смогла его отговорить и согласилась на свадьбу.

Янь Чжию тогда действительно хотел с ней счастливо жить, особенно после рождения Ахэн. Он готов был носить их обеих на руках.

Но не успел он отпраздновать эту идеальную любовь, как Силина изменила ему.

Не дожидаясь, пока Янь Чжию сам вспыхнет гневом, бабушка Янь сама оформила развод. Семья Янь была известной в Имперской столице, и такой скандал нельзя было разглашать.

Когда Янь Чжию был в ярости и готов был схватиться за нож, чтобы расправиться с Силиной и её любовником, она уже быстро собралась и уехала с Ахэн за границу.

Прошло три года, как бы Янь Чжию ни искал, он не мог их найти.

Со временем сердце его очерствело, единственным, кого он помнил, была дочь, которую он носил на руках в первые дни её жизни.

Два года назад, когда Силина вернула Ахэн, Янь Чжию был на седьмом небе от счастья и хотел компенсировать ей всю недолюбленную любовь.

Имя Янь Юхэн также имело символическое значение.

Иероглиф «Хэн» означает орхидею, благовонную траву. В древности орхидеи и ароматные травы символизировали благородных и прекрасных женщин.

В то время в глазах Янь Чжию Силина была такой женщиной, а их дочь — ещё одной.

Имя, полное любви, выглядело теперь таким смешным из-за измены Силины.

— Ахэн выросла такой воспитанной, ты должен радоваться. Ты ещё молод, не зацкливайся на одном, — бабушка Янь жалела сына, но ещё больше — послушную и умную внучку.

— Да, Ахэн такая послушная, а она смогла сделать такое! — Янь Чжи провёл рукой по лицу и резко встал, направляясь к выходу, бросив на ходу:

— Мама, иди спать, я схожу в полицию.

...

Ноги Гао Тин были плотно замотаны, и она не чувствовала боли. Лежа на мягкой и ароматной кровати Янь Юхэн, она чувствовала себя novelty.

Из-за ног она не могла двигаться и лежала тихо, чувствуя, как тело уходит в мягкость матраса.

Янь Юхэн лежала рядом, словно уже спала; её дыхание было ровным и спокойным, но Гао Тин не удержалась и толкнула её локтем, тихо спросив:

— Ахэн, ты спишь?

<http://bllate.org/book/16703/1534311>